

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

еще недостаточно изучена. Блок видел рост насилия, нравственное перерождение, когда революция перестает быть живым обновлением и становится депотизмом, террором, бесчеловечностью. По мысли Блока, «одно и то же дело становится правым, пока человек согласен с природой (в данном случае, пока дышит революция), и лживым и грязным, когда природа стихия покидает человека».

В НАВРАСТВЕННОМ ПЛАНЕ решающим для Блока является согласие гражданского выбора с внутренним голосом человека, с тем, что говорит совесть. Поэт и сам доказал, что «совесть побуждает человека искать лучшего и нового и помогает ему порою отказываться от старого, милого, но уже разлагающегося, в пользу нового, сразу немилостивого, но обещающего жизнь...». Это, конечно, свободная совесть, ибо «совесть умолкает под игом насилия»... — предупреждает Блок.

Другой «узел» проблем, которые осмысливал и с которыми сталкивался Блок, связан с политической свободой. В статье «Интеллигенция и Революция» Блок иронически говорит об «учредилке», в дневнике 1918 года посмеивается: «Любимое занятие интеллигенции — выражать протесты: займут театр, закроют газету, разрушат церковь — протест». И вообще в это время Блок не придает большого значения политической свободе. Но в дальнейшем, особенно после разгрома большевиками революционной партии левых эсеров и закрытия ее изданий, после закрытия изданий других партий и сил, в процессе стремительного утверждения господства тоталитарной системы, тоталитарной идеологии, Блок понял, увидел, ощутил, что живет в далеко не вдохновляющем обществе, в условиях, с которыми нельзя смириться. Об этом, в частности, свидетельствует блоковская «Записка о «Двенадцати», написанная 1 апреля 1920 года.

Эта очень емкая «Записка...» давно уже не публиковалась у нас полностью. Между тем в ней ключ к пониманию разочарований Блока, к объяснению некоторых обстоятельств, самой атмосферы, в которой появились революционные произведения поэта, — «Интеллигенция и Революция», «Двенадцать», «Скифы» (опубликованные в изданиях левых эсеров).

«С начала 1918 года, — вспоминает Блок, — приблизительно до конца Октябрьской революции (3 — 7 месяцев?) существовала в Петербурге и Москве свобода печати; т. е., кроме правительственных агитационных листов, были газеты разных направлений и доживали свой век некоторые журналы (не из-за отсутствия мыслей, а из-за разрушения типографского дела, бумажного дела и т. д.); кроме того, в культурной жизни, в общем уже тогда заметно убывавшей, было одно особое явление: одна из политических партий, пользовавшаяся во время революции поддержкой правительства, уделила место и культуре: сравнительно много места в большой газете, и почти целиком — ежемесячный журнал. Газета выходила месяцев шесть, кроме предшествующего года; журнал на втором номере был придержан и потом — воспрещен».

Блок напоминает здесь о судьбе партии левых эсеров, ее изданий (где печатались и Блок, Белый, Есенин, Клюев). Это похоже на историческую справку, внешне бесстрастную. Но глубоко драматичен «узел» событий и настроений, очерченных четкой рамкой «Записки...». Революция — и свобода; конец свободы — конец революции. И тем самым — гибель источника, питавшего «музыку». Но пока жив был источник, и творчество, вдохновлявшееся революцией, являлось свободным. Блок разъясняет, что ни о какой зависимости от правительства не мо-

жет быть речи: «Группа писателей, ушедших в этой газете и внале, была настроена оптимистично, что и было примостью правительства оно относилось терпеливо».

Блок осознает это пережитый, завершённый, к которому не возвращается. Он и революцию оценивает как событие недавнего «Революционный цикл», «музыка» ушла, как в блоковская «Записка...» под минувшим чертой идет и о том, надежды не сбылись, революция вылилась в противоположное; в то, что поэт не может написанного «в согласии», — от «Двенадцати».

Третий «узел», и заложил новое время судьбы культуры. В — нравственный, духовный — сжатием петель человека, и ру. Все это переплетено номическими путями, оплетена жизнь в обществе. Блок своей работе с та, которая была проведена до революции, хотя ставили свои мучительные, приведшие

В записке об «Алконост» (1921) ступает против гонимости на издательство, в защиту издательства как орудия свободы творчества культуры. Блок предугадывает: «частных издательств, которые в царственном был гом к опрощению, к уничтожению культуры».

Как видим, Блок первую очередь ограничивает издательские возможности, но у культурного осквернения унификации опыт с издательством видит Блок, — очевидно, сделавшие мысли и подстриженным на другую, что объединить их передовицей, при в единую курию

Постепенно что в результате ким-то роковым ло нечто болен то, что он имел миром». Поэт мал: произошло «задуманно». Блок в своем встал для него русской культуры и Родине

Если была, «миссия русская» была и миссия Родины художников, вернувшись к долгу. Как, по выражению Блока, «живой каткомбой культуры». Они пронесли в этот вновь возникший под знаком утопии железный мир — энтузиастическое милитаризованное общество — заветы и ценности, унаследованные от русской и мировой классики, нашего «серебряного века», христианской культуры. Это был как бы «троянский конь» подлинной культуры и духовности, вошедший в крепость тоталитаризма.

В МАРТЕ 1920 года в статье «О Мережковском (по поводу постановки «Царевича Алексея» в Большом драматическом театре)» Блок, отмечая, что «Мережковский — не сильный драматург», делает существенное дополнение: «Но заразительно и обаятельно — зношь и вновь — действовала на меня эта насыщенная атмосфера строгой литературности, большого вкуса; Европой пахнет. Чувствуется эта большая, уже незнакомая сегодняшнему русскому дню культура кружка «Мира искусства». И очень знаменательно, что декорации к «Царевичу Алексею» писал Александр Ни-

го и романтического искусства, этому искусству суждено свершить еще много великих дел...», — говорит Блок, обращаясь к артистам Большого драматического театра. И это основа художественной и нравственной позиции Блока в годы революции — продуманная, выношенная ориентация на высокую классику, европейскую и русскую, чтобы спасти самое дорогое, «что должно быть и будет спасено в человеческой культуре».

Блок подходит к наследию, исходя из идеи духовной полифонии как органического свойства культуры, и вступает в первые схватки с воинствующим догматизмом, идеологическим монополизмом кичливых провозвестников «нового мира». Блок не мирится и с либеральными мифами, отстаивает для потомков «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя, книгу, громадная часть которой, по убеждению Блока, это «правда, человек, восторг, Россия».

Блок призывает современников и потомков не пугаться многообразия нашего национального духовного наследия, принять его

но являющуюся, по сути, неведомо и завещанием Блока. Горестно звучит вывод, не потерявший, увы, своего значения: «Эти чиновники и суть наша чернь; чернь вчерашнего и сегодняшнего дня... люди — дельцы и пошляки...». Мог ли предположить Блок, что солидное исполнение этого бюрократического сословия придет из числа писателей, поэтов?..

Блок предчувствует, что борьба черни с гармонией не ограничится созданием цензуры: «...они могли бы изыскать средства для замутнения самых источников гармонии; что их удерживает — недобродливость, робость или совесть, — неизвестно. А, может быть, такие средства уже изыскиваются?».

Созданная уже тогда, и с годами усовершенствованная машина идеологической обработки человека, начиная с младенчества, катастрофически замутнила действительно самые источники гармоний, опустошила и исказила человеческую душу, что произошло незаряду и вместе с погублением природы.

И все-таки поэт верил в способность человеческой совести противостоять фанатизму. Поэт верил в человека совести. Судьба совестливого человека будет мученическая, трагическая, понимал Блок.

Вспоминают, что 10 августа 1921 года, после похорон Александра Блока на Смоленском кладбище в Петербурге, группа литераторов отправилась на Горюховую, в ЧК — хлопотать за арестованного неделю назад Николая Гумилева...

Ветер, ветер,
На всем Божьем свете!

Где-то далеко «возлюбленная поляна»...

«Ничего сейчас от этих родных мест, где я провел лучшие времена жизни, не осталось; может быть, только старые липы шумят, если и с них не содрали кожу. А что там неблагоприятно, что везде неблагоприятно, что катастрофа близка, что ужас при дверях, это я знал очень давно, знал еще перед первой революцией...».